

Дунай (10)

Во стольнѣм во городи во Киеви
Да у ласкова князя да-й у Владимира
Ище было пированьице, был почесьѣн стол
А про многих кнезей да руських бояров,
А про могучих про тех же да про богатырей,
А про тех же палениц да преудалых,
А про тех же хресьянушок прожитосьних,
А про тех про купьцей-гостей торговья,
А про тех же калик да перехожия.
А Владимир-от по грядни да сам похаживат,
Ище с ножки на ножку да переступыват,
А белыма руками да прирозмахиват
Да злаченыма перснями принащалкиват,
Да сам из речей да выговарыват:
«А все у нас во городе нонь поженѣны,
Красны девици у нас да нонь повыданы —
А един-то, князь, да нонь холост хожу,
А холост хожу, нежонат слову.
А не знаете ле хто мне да боґосужоной,
Не знаете ле хто мне да боґоряжоной —
Еще той же ведь мне да красной девици:
Щобы ростом была — да высока была,
Очи ясны-ти были — да как у сокола,
Брови черны и были — да как у соболя,
А руса-де коса была — до пояса?»
А тут большой-от хороницьсе за средьнѣго,
А средьней хороницьсе за меньшого.
И-за того же стола и-за окольнѣго,
Из того же из местицька богатырьского
Выставал тут Дунай, Дунай Дунаевич:
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевьской!
Ты позволь мне-ка да слово молвити,
Ты позволь-ко мне-ка да речь говорити —
Не рубить бы со плечь у мня буйной головы,
Не садить бы во глубоки во темны погрѣба,

Не ссылатъ бы во сылоцьки в цюжи в дальняя.
А жил я во городе нонь во Шахови
У того короля у ляхоминьского,
А жил я, служил у ёго двеначчеть лет.
А есь у ево да нонь две дочери.
Ище первая дочи да есь Настасия —
А пресильня удала богатыриця-та.
А вторая дочь да есь Опраксия,
Да Опраксия есь королевисьна:
Она ростом статна да ростом висока,
А очи у ей — да как у сокола,
Брови черны-й у ей — да как у соболя,
А руса-де коса — до шелкова пояса!..»
А то-де Владимиру по уму прышло
Да по разуму ему да показалосе:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
А що же тебе да ноньче надобно?
А бери-тко-се ты да силочки сильнею,
А бери-тко-се ты да золотой казны!» —
«А не надо мне твоя да сила сильня,
А не надобно твоя да золота казна:
Я поеду ей нонь ведь да не купить стану.
Да не надобна твоя да силочка сильня:
Поеду-де я нонь ей посватаюсь.
А дают-то ей — так я добром возьму,
А не дают-то ей — да лихотой возьму!
Только дай-ко мне-ка да два богатыря,
Ище дай-ко мне-ка да два могучого:
А первого дай мне-ка Добрынюшку,
А второго дай да Олѣшеньку Поповича:
А он хошь силой-то не силѣн, да хошь напуском смел!»
Наливал ему Владимир цару зелена вина,
Да не малу, не велику — да полтора ведра.
Принимает Дунай да единой рукой,
Выпивает Дунай к едину духу;
Пьѣт-[т]о он цару, да пьѣт ведь досуха,
А пьѣт-[т]о, сушит да цару да досуха.
Наливал ему Владимир да во втору цару,
Не малу, не велику — да полтора ведра.

Да прымает Дунай да единой рукой,
Выпивает Дунай да к единому духу,
Да пьёт-то, сушит да царю досуха.
Наливал ему Владимир да во третью царю,
Да не малу, не велику — да полтора ведра.
Прымает Дунай да единой рукой,
Выпивает Дунай да к единому духу,
Пьёт-то, сушит да царю досуха.
Наливал ему Владимир да мёду с патокой,
Наливал он мёду ёму с патокой,
Наливал ему нонь ему турей рог.
А тут пошли молоцьци вон из [с]ветлой светлицы,
А пошли молоцьци да ко красну крыльцю —
А ступешек до ступешка да догибаицьсе,
Светлы светлицы нонь да пошеталисе.
А не видели у молоцьцей посадочки,
А не видели, молоцьци как на коней скочили, —
Тольки видели: молоцьци да во полё поехали,
Тольки во поли нонь да курёва стоит,
Курёва-де стоит, да дым столбом валит.
А доехали они да нонь до Шахова
Да доехали до города до Ляхова —
Заскоцили за стену да городовую.
А пошли молоцьци да нонь по городу,
А бьют молоцьци со старого до малого.
А пошел-де Дунай к королю посватацьсе —
А сидит-де король да за столом сидит.
А пришол-то Дунай, Дунай Дунаевич,
Пришол же к тому королю да ляхоминьскому:
«Уж зрастуёшь, король да ляхоминьской же!» —
«Уж ты зрастуй, Дунай да сын Дунаевич!
Ты по-старому пришол ли да нонь по-прежнему:
А пришол ли ко мне да во служеньицё?» —
«А я пришол-то к тебе да нонь не по-старому,
Не по-старому пришол к тебе, не по-прежнему:
Я пришол-то к тебе да нонь посватацьсе
А на той же на доцери на Опраксии!»
Говорил-то король да он таково слово:
«А ище был при себе у мя бы вострой меч —

Я срубил бы у тебя да буйну голову!»
А был при себе у ёго булатной нож —
А шиб-то Дуная вострым ножицьком.
А на то же Дунай да как увёрток был —
Увёрнулса за печку да за муравлену.
Ухватил-де Дунай да ноньче вострой нож —
А шиб короля да ляхоминьского:
А попало королю да нонь во правой глазь.
А сам побежал как Дунай да по новым сеням,
А побежал-де Дунай да по новым сеням.
А сидела Опраксия за трёма дверьми
А за тема за замками да нонь за крепкими.
Ище рвал-то Дунай двери с ободверинами,
Вырывал-то он двери, да нонь вырвал ведь —
Забегал тут ноньче к Опраксии,
Говорил-де Опраксии таково слово:
«Уж ты ой еси, Опраксия-королевисьня!
А срежайсе-тко ты да в путь-дорожецьку;
А дорожно-то платьё на себя оболокай,
А подвинесьнеё платицё с субой бери!»
А выходил тут король да на красно крыльцё:
«А возьми-тко, Дунай да сын Дунаевич,
А возьми-тко мою да ноньче дочьь возьми,
А возьми-тко-се дочьь да с собой повези!
А не бей-ко во городе со старого,
Да со старого не бей да нонь до малого;
А оставь-ко мне лутше на семяна!»
А садил он Опраксию на добра коня,
Повёз-де Опраксию в красной Киев-град.
А поехали молочьчи да нонь чистым полём —
Наехали как на поли следы великия:
А ехала полениця да приудалая,
Да ворочал конь ископытъ — с печь лютую.
А тут богатырьско серьцё заплывьциво;
Отдавал он кнегину Опраксею,
Передавал как ей нонь Добрыни Микитичу:
«Ты вези-тко Опраксию в красной Киев-град —
Я поеду и ети следы поищу ведь!..»
А поехал Дунай да во чисто полё...

Как едѣт полинича да преудалая
И едѣт по честу полю, потешаицьсе:
А вымѣтыват паличу буёвую,
А вымѣтыват и выше лесу, да выше темного,
А левой ручыкой вымѣтыват,
А правой ручкой подхватыват.
А наехал Дунай на полиничу преудалую.
Они паличами да нонь ударылись —
А тем-де боём да друг друга не ранили:
А палици по руковетьям сломалисе.
А розъехалисе они да на второй након;
А билисе они, кололисе на копыця булатныя —
Они тем же боём друг друга не ранили.
А да скакали они да со добрых коней,
А тянулись они да через добра коня.
А на то-де Дунай да как нонь он ухватчив был —
А бил поленицю да по поджилки бил:
Упала полениця да на сыру землю.
А стал ей Дунай нонь на белы груди,
Вынимал у себя да нонь чынжалой нож:
А ище хочот пороть у ей белы груди,
Ище хочот смотреть у ей ретиво серьцѣ.
Говорила тут полениця преудалая:
«Уж ты ой еси, Дунай да нонь Дунаевич!
А не порь-ко ты у мя да нонь белы груди
Да не смотри-ко у мя да ретиво серьцѣ —
Да возьми-ко меня лучше в замужесьво!»
А брал ей Дунай да за праву руку,
А чѣловал-то Дунай ей в уста сахарныя,
Да брал ею да на добра коня,
Да поехали за Добрынюшкой за Микитичом.
А поехали, ехали по чисту полю —
А поставили шатѣр да белополотненной,
А тут же в шатри да опочевать стали.
А поехали они да в красен Киев-град,
А поехали они да в красен Киев-град —
Говорил-то ей да таково слово:
«А приедѣм как мы да в красен Киев-град,
А седѣм как мы за столы да за околья —

А ты собой нонь да не похваляйсе-тко!»
А приехали они да в красен Киев-град;
Привезли они кнегину да нонь Опраксию,
Привезли-де Опраксию в красен град
Ко тому же ко князю да ко Владимиру.
А у князя-то нонь да не пиво варыти,
Да не пиво варить, не вино курити, —
Весёлым-де пирком да ноньче свадёбкой.
А тут же у князя да сделалса почесьён пир —
Ище все на пиру да стали пьяны-весёлы,
Ище все на пиру да напивалисе,
А все на чесном да наедалисе.
А тут как Настасия да приросхвасталась.
Тут же Дунаюшку за беду прышло,
За великую досаду да показалосе.
Говорил-то Дунай он таково слово:
«Выходи-тко-се ты да из-за стола-та,
Из-за то же стола да из-за окольнёго!
А пойдём-ко-се мы да во чисто полё,
А пойдём-ко-се мы да ноньче пострелеимсе,
А пострелеимсе во стрелочки во метныя,
А во те же во луки да нонь во тугия!»
А стали они во стрелочки стрелетисе:
А она ему годит да нонь во правой глаз,
А он ей годит да в ретиво серьцё.
А говорила она: «Уж ты ой еси, Дунай Дунаевич!
Не стрелей-ко во стрелочку во метную,
Не стрелей-ко-се мне да во белы груди:
Есь да у меня нонь засеяно,
Есь два отрока-младеня-та:
Ище руки-ти нонь да у серебри,
А ноги у их да как во золоти!»
А тому же Дунай да не поваровал:
А стрелил он стрелочку нонь калёную —
А застрелил-де ей да во белы груди,
Во белы-ти груди и в ретиво серьцё!
А да порол он у ей да нонь белы груди,
А смотрел-де у ей да ретиво серьцё:
А засеяно у ей да два отрока.

А засеяно у ей ноньче два отрока:
А ручки-ти по локтям у их во серебри,
По коленям у их ноги во золоти.
А тут же Дунаюшку за беду стало,
За великую досадушку по[ка]залосе.
А вынял-то Дунай да как нонь булатной нож,
Становил-то Дунай ножицёк череном в сыру землю,
А падал Дунаюшко на вострой нож —
И тут же Дунаюшко призарезалсэ.
Говорил-то Дунаюшко таково слово:
«Уж ты ой еси, протечи с моей крови,
А прот[ек]и-ко от моей крови — река Дунаевка!»
А протекла тут река да нонь Дунаевка.
«Да свейсе-вырости берёзонька,
А вырости берёзонька кудрёватая;
Уж ты свейсе-сплеться да в три берёзоньки!»
А ноньче теперече славы поют,
Да славы-ти поют, да Дуная в старинах поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 29 июля 1901 г.: д. Азаполё <Погорельской вол.> — от Прокопьева (Прокофьева) Леонтия Кузьмича, 82 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.